

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПНИЦ

Давыдова Евфросиния Александровна

студент, Саратовская государственная юридическая академия, РФ, г. Саратов

Вишневецкая Ирина Николаевна

научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии, Саратовская государственная юридическая академия, РФ, г. Саратов

Серийные преступления, совершаемые женщинами, остаются одной из самых загадочных и противоречивых тем в криминологии. В отличие от мужчин, чьи действия часто обусловлены сексуальными импульсами или стремлением к доминированию, женщины-серийницы демонстрируют сложный спектр мотиваций – от рационального расчета до патологического самоутверждения. Их преступления, как правило, дольше остаются латентными, поскольку методы убийств (отравления, удушения, медицинские манипуляции) маскируются под естественные смерти, а жертвами становятся те, кто не способен оказать сопротивление: дети, пожилые люди, пациенты больниц. Особенность российской женской преступности – ее низкая серийность. Как отмечает О.Ю. Ильченко, отечественные женщины чаще совершают спонтанные убийства, что связано с комплексом социально-экономических факторов: бедность, алкоголизм, кризис семейных ценностей [6, с. 41]. Типичный пример – Мария Петрова, которая в 2002 году совершила два убийства и четыре нападения на мужчин. Ее действия, обусловленные психическим расстройством, не были частью продуманного плана, а стали результатом накопленной агрессии. В отличие от западных аналогов, таких как Елизавета Батори – трансильванской графини XVI века, убившей сотни девушек в садистских ритуалах, – российские преступницы редко демонстрируют долгосрочное планирование [3, с. 44]. Даже Софья Жукова, зарубившая топором троих человек, включая ребенка, действовала импульсивно на фоне личностного кризиса, вызванного смертью мужа. Этот контраст подчеркивает роль культурного контекста: в странах с сильным социальным контролем и коллективистской этикой (как Россия) женщины реже идут на риск многократных преступлений, опасаясь разоблачения. Классификация мотивов женщин-серийниц, предложенная Р.Л. Ахмедшиным, раскрывает их разнообразие [1, с. 168]. «Доминаторы» («ангелы смерти»), такие как медсестра Кристен Гилберт, убивают пациентов, маскируя преступления под медицинские ошибки. Их мотив – стремление к контролю и героизации («я спасаю, даже уничтожая»). «Охотницы за трофеями», как Белль Ганнесс, устраняют близких ради финансовой выгоды, используя отравления. «Напарницы» – например, С.С. Скосырская – реализуют власть через организацию групповых преступлений, демонстрируя созависимость с мужчинами-соучастниками. Отдельную категорию составляют «агрессоры», чьи действия напоминают мужской паттерн: они провоцируют конфликты, имитируя виктимность, а затем убивают, наблюдая за агонией жертвы. При этом, как подчеркивает Л.М. Щербакова, сексуальная мотивация у женщин почти отсутствует [7, с. 70]. Даже в случаях, подобных Елизавете Батори, садизм был связан не с сексуальным удовлетворением, а с жадностью власти и оккультными убеждениями. «Психотики» – особая категория, действующая в состоянии грубой дезорганизации психики: их преступления спонтанны, лишены логики, а жертвы выбираются случайно, к примеру, Мария Петрова. Для «психотиков» характерны низкий интеллект, зависимость от наркотиков и маргинальный статус. В России, согласно данным В.Ю. Голубовского и Е.В. Кунц, доминирующее число женщин совершают преступления в возрасте 30-49 лет, что объясняется накоплением социальных и психологических проблем: разочарование в браке, потеря близких, алкогольная зависимость или стремление компенсировать чувство нереализованности через доминирование [5, с. 18]. Биологические теории, объясняющие преступность гормональными дисбалансами или наследственностью,

критикуются за упрощение. П. Вронски пишет, что ключевым триггером становится социальная изоляция. 71% женщин-серийниц в описываемой им выборке росли в семьях с алкогольной или наркотической зависимостью, 100% пережили насилие в детстве, а 43% страдали от акне, усугублявших их маргинализацию [4, с. 133]. Эти травмы вели к погружению в фантазии, где насилие становилось инструментом мнимого контроля. Например, «ангелы смерти» часто вырастают в условиях эмоциональной депривации, компенсируя ее через манипуляции жизнью и смертью пациентов. Женщины-серийницы мастерски эксплуатируют гендерные стереотипы. Образ «хранительницы очага» или «жертвы обстоятельств» позволяет годами избегать подозрений. Медсестры-убийцы годами работали в коллективах, не вызывая подозрений, ведь профессия ассоциируется с заботой, а не насилием. С.С. Скосырская, руководившая бандой, избегала участия в нападениях, оставаясь «невидимой» для жертв и правоохранителей. Даже Елизавета Батори, чьи преступления потрясли Европу, долгое время оставалась безнаказанной благодаря аристократическому статусу и представлению о женщине как «слабой» и «богобоязненной». Эти примеры подчеркивают, что латентность женских преступлений – следствие не только методов, но и системных предубеждений. Развитие искусственного интеллекта открыло новые горизонты для криминалистики. Программа PorSerO, разработанная А.А. Бессоновым, использует алгоритмы машинного обучения для прогнозирования характеристик серийных преступников: возраста, наличия психических расстройств, семейного статуса и связи с жертвой [2]. Однако в России внедрение таких технологий сталкивается с проблемами. Недостаток специалистов, слабая апробация методик и консерватизм следственных органов ограничивают их применение. С развитием цифровых технологий женщины-преступницы могут найти новые ниши. Киберпространство, где физическая сила уступает место социальной инженерии, открывает возможности для мошенничества, шантажа и организации преступных сообществ. Уже сейчас «охотницы за трофеями» используют Интернет для поиска жертв среди одиноких пожилых людей. Внедрение AI-программ, подобных PorSerO, могло бы снизить риски, но требует интеграции с традиционными методами. Например, анализ цифровых следов в сочетании с психологическим профилированием позволит выявлять паттерны еще на этапе планирования преступлений. Таким образом, криминологический портрет серийных преступниц – это мозаика из психологических травм, социальных условий и культурных стереотипов. Их преступления, оставаясь редкими, бросают вызов представлениям о гендерных ролях и природе зла. Российский контекст, с его акцентом на спонтанность и влияние маргинальной среды, требует разработки специализированных методик профилирования, учитывающих как локальную специфику, так и глобальные тенденции. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на превенции: выявлении групп риска через анализ цифровых данных, поддержке жертв домашнего насилия и разрушении гендерных клише, позволяющих преступницам годами ускользать от правосудия.

Список литературы:

1. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическое профилирование: учебник для вузов / Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина. М.: Юрайт, 2025. 514 с.
2. Бессонов А.А. Программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника «PorSerO» // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2022610749, 14.01.2022. Заявка № 2021682482 от 27.12.2021.
3. Васькина А.Д. Исторические, социальные, культурологические факторы девиантного и преступного поведения женщин // Научный журнал. 2020. № 6 (51). С. 43-45.
4. Вронски П. Женщины – серийные убийцы: как и почему они становятся монстрами. М.: АСТ, 2024. 736 с.
5. Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Личность женщины-преступницы в современной криминологии // Вестник ВИПК МВД России. 2022. № 3 (63). С. 17-22.
6. Ильченко О.Ю. Биологические теории о преступной активности женщин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 41-45.

7. Щербакова Л.М., Белая О.П. Женское и мужское криминальное насилие: компаративный анализ // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 69-75.